

Н.А. Рожков

**Город и Деревня в Русской
Истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Рожков**
Город и Деревня в Русской Истории / Н.А. Рожков – М.: Книга по Требованию,
2021. – 128 с.

ISBN 978-5-517-97888-2

Город и Деревня в Русской Истории.
(Краткий очерк экономической истории России).

ISBN 978-5-517-97888-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Вопрос о взаимных отношениях и значении города и деревни в человеческом общежитии принадлежит к числу самых жгучих, наиболее волнующих общество, по крайней мере, мыслящую его часть, вызывающих решения, различные нередко до противоположности. Не со вчерашнего дня раздаются призывы интеллигенции в деревню, на лоно природы, к первобытной простоте и рисуемой мечтателями в ярких красках непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадят слов для обличения гнилой городской цивилизации с ее искусственностью и губительным влиянием на человеческую жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нет недостатка и в голосах противоположного направления: панегиристы городского строя в противовес идеологам деревни указывают на невежество, грубость, косность, ничем неискоренимую склонность к застою, свойственные сельскому населению, и противопоставляют этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городов, рост комфорта и благосостояния в условиях именно городского строя, развитие личности, свободы и правосознания среди горожан. Этот нескончаемый спор заставляет пересматривать целый ряд наболевших вопросов, когда-либо возникавших перед умственным взором человечества. Важный всегда и везде, он приобретает особенную жгучесть в настоящее время в нашем отечестве в силу тех экономических

перемен, какие приходится переживать России. В последнее время вопрос о значении и взаимных отношениях города и деревни постепенно теряет утопическую окраску и приобретает положительную постановку. В самом деле: ведь и город, и деревня созданы необходимыми и неустраняемыми условиями человеческого общежития, отвечают наличным и совершенно несомненным потребностям общества. Вопрос, следовательно, заключается не в том, как заменить деревенский быт городским строем или наоборот, а в том, каково нормальное, наиболее соответствующее общественным потребностям, соотношение между городом и деревней. Разрешению или, по крайней мере, правильной постановке этого вопроса может содействовать историческое изучение прошлых судеб города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться в точном значении употребляемых терминов, без чего нельзя ступить ни шагу вперед. Городом, если ни считать городов-крепостей, т.-е. не поселений в собственном смысле, а временных убежищ, называется поселение, жители которого занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел. Деревня—поселение, где главные занятия жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно, таким образом, что не всякий город в обыденном употреблении этого слова может быть признан городом в научном смысле, что есть города-деревни, и, с другой стороны, многия села должны быть признаны с научной точки зрения городами. Уже из данных сейчас определений следует, что основным признаком, отличающим городские центры и деревенские поселения, является признак хозяйственный. Поэтому, изучая значение и взаимные отношения города и деревни в историческом прошлом русского народа, мы будем исходить в своем изложении из экономических явлений, как основных, и из них объяснять явления социальной и политической жизни, поскольку знакомство с последними будет необходимо для разрешения поставленной задачи.

История русских города и деревни, как и русская история вообще, делится на пять периодов: 1) киевский, до конца XII века; 2) удельный, охватывающий XIII, XIV, XV и первую половину XVI века, приблизительно до начала самостоятельного правления Ивана Грозного; 3) московский, длящийся со второй половины XVI до конца XVII столетия, 4) новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX века, с Петра Великого до Николая I включительно, и 5) новый пореформенный период, который начинается великим освободительным актом 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидетелями и деятелями которого являемся все мы. В хронологических пределах каждого из этих периодов наше изложение коснется последовательно шести основных вопросов, из которых четыре первых—экономические, пятый относится к социальной истории, а шестой—к политическому строю. Первый, основной вопрос—об относительном значении в данное время каждой из четырех главных отраслей народного производства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. В тесной связи с первым вопросом находится второй—о системе хозяйства, т.-е. о совокупности тех приемов и средств, какими ведется хозяйство. Третий вопрос—о формах землевладения, т.-е. о том, кто и на каких правах владел землей. Изучение хозяйственных условий заканчивается четвертым вопросом—о формах хозяйства, иными словами о том, был ли в данный период свободный или принудительный труд и на каких условиях этот труд эксплуатировался. На твердой основе изучения экономических отношений покоится разрешение пятого вопроса—о социальном устройстве, о том, были ли в известное время общественные классы, т.-е. деления общества на группы по хозяйственным признакам, по занятиям, или существовали уже сословия, т.-е. деления общества на группы по юридическим признакам, правам и обязанностям. Наконец, изучение политического строя, постановки верховной власти, организации учреждений и управления—вот последний, шестой вопрос, какого мы коснемся в дальнейшем изложении.

II.

Город и деревня в киевской Руси (до конца XII в.).

Основной отраслью народного производства в первый киевский период русской истории, до конца XII века, было, несомненно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительным трудом и затратой капитала, освоение даровых сил девственной природы, столь щедрой к человеку, хотя нередко и столь грозной для него на заре истории. Ряд несомненных и достоверных свидетельств источников убеждает в справедливости этого положения. На первых страницах нашей древнейшей, начальной летописи занесено сказание о том, что некогда, в старину, на среднем Днепре жили три брата—Кий, Щек и Хорив—и все они занимались звероловством, были охотниками. Древляне, одно из славянских племен, покоренных Олегом в IX веке, платили князю дань черными куницами, т.-е. мехами зверей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат: мехами и воском; то же самое обещала дать в дар византийскому императору княгиня Ольга при своем крещении в Константинополе. Ея сын Святослав, всю жизнь неустанно искавший приключений, подвигов и добычи, говорил матери: „не нравится мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае (в Болгарии), потому что туда сходятся все богатства“ из Греции, Чехии, Венгрии и из Руси. Чем богаты были прочия страны, для нас теперь не важно, но Русь, по словам князя, доставляла в Болгарию меха, воск и мед. Почти на каждой странице летописи встречаются, на ряду с известиями о войнах, постройке церквей, правительственной деятельности князей, сообщения, что тот или другой князь „ловы звериные деял“, „гна звери в лесе“, причем, как видно, эти охотничьи поездки продолжались долго, почему князья отправлялись на них обыкновенно со своими женами и дружиной. А что может быть характернее того, что Владимир Мономах, этот живой идеал древнерусского князя, в своем

знаменитом „Поучении“ на ряду с военными подвигами и делами управления ставит свою охотничью удачу и охотничьи удачи? В древнейшем памятнике нашего права „Русской Правде“ предметом особенного внимания служат „бобровые гоны“, т.-е. места ловли бобров, и „бортные ухажай“, приспособления для пчеловодства, для добывания воска и меда. Эти и им подобные факты, которыми изобилуют уцелевшие до нашего времени летописи и акты киевского периода, ставят вне всякого сомнения, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль в народном хозяйстве этого далекого от нас времени.

Меньше значения имело сельское хозяйство, особенно земледелие. Правда, еще при Олеге некоторые славянские племена платили дань князю „с рала“, т.-е. с плуга, что указывает на употребление этого земледельческого орудия, а следовательно, и на занятие земледелием уже в X веке. О том же свидетельствует встречающееся в правление Ольги известие, что древляне „делали нивы своя“, Наконец, в XII веке на одном из княжеских съездов прямо говорилось о земледелии, как одном из обычных занятий смердов, или крестьян. Но любопытно, что, как мы только что видели, в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочивает нас не ставить земледелие в киевской Руси в один ряд с охотой и пчеловодством. В чем можно быть в этом отношении уверенным, это—в том, что и тогда уже русские не нуждались в привозном хлебе, потому что им хватало своего. Серьезнее было значение другой отрасли сельскохозяйственной промышленности—скотоводства. В летописях нередко встречаются указания, что у того или другого князя, во время междоусобий, истреблялись громадные стада скота, в две, три тысячи голов, иногда и более. Но едва ли не еще более убедительным свидетельством о богатстве скотом и важности скотоводства является факт необыкновенной дешевизны скота по „Русской Правде“: так, лучшую рабочую лошадь можно было

купить в то время за 14—16 рублей на наши деньги, вол стоил 7—8 рублей, корова от 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 к., а овцу в XI веке даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было более развито, чем земледелие, и приближалось в этом отношении к охоте и пчеловодству: дело в том, что первобытное скотоводство по своей экономической природе очень близко к добывающей промышленности; как и последнее, оно не требует почти никаких усилий и забот со стороны человека; скот все время пасется на воле и довольствуется подножным кормом.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. В наших источниках лишь изредка мелькают факты, свидетельствующие о выделке изделий из глины, об обработке кож, о переработке дерева. Особенно яркое изображение древнейшей русской обрабатывающей промышленности,—разумеется, в миниатюре—дает один из превосходных памятников литературы киевского периода, именно Патерик Печерский, т.-е. собрание житий святых подвижников Киево-Печерского монастыря. Весь проникнутый свежей, наивной, детской верой, Патерик с любовью отмечает различные чисто-внешние обстоятельства, относящиеся к жизни святого или к открытию его мощей. Эти случайные замечания имеют для нас большую ценность. Читая, например, простодушный рассказ Нестора об открытии мощей св. Феодосия, мы видим, что, когда у автора этого повествования, который сам разрывал могилу святого, сломалась кирка,—он сам ее починил своими руками. Очевидно, это была самодельная кирка, сделанная для себя, а не на продажу. Так выделялось, вероятно, большинство предметов, необходимых в домашнем и хозяйственном обиходе. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на соседнем базаре и притом в небольшом количестве. В том же Патерике встречаем и другое известие о домашнем производстве для собственного потребления производителя, и известие о незначительной продаже изделий на соседнем рынке: один из печерских монахов, Исаия, носил „свиту *вотолану*“. т.-е. сделанную из „вотолы“, грубого

домашнего холста, сотканного им собственноручно; св. Феодосий вместе с братией приготавливал шерстяные „копытца“, т.-е. чулки, и такие же „клубуки“, или шапки, и посылал продавать эти изделия на киевском базаре.

Уже из этого одного видно, что *внутренняя* торговля была ограничена, не играла важной роли. Такой вывод подтверждается и изучением „Русской Правды“: в ней упоминается о „торге“, т.-е. местном базаре, но особенно любопытно постановление, по которому, в случае находки кем-либо пропавшей у него вещи на базаре в руках у другого, этот последний, будучи обязан указать лицо, у которого им приобретена спорная вещь, не имел, однако, права сослаться на то, что им она приобретена в другом городе: очевидно, сообщения между отдельными городами и рынками были очень затруднительны и редки, а это и указывает как раз на чрезвычайную слабость внутреннего обмена. Зато торговля *внешняя* на первый взгляд кажется очень важной. Всем более или менее известны факты, указывающие на оживленные торговые сношения киевской Руси с арабами и хозарами и особенно с Византией. Яркими свидетелями торговли с арабами и хозарами являются известия арабских купцов, посещавших Русь, напр., Масуди, Истархи, Хордадбе, Ибн-Фадлана, и открываемые до сих пор в южной России клады, состоящие из серебряных арабских монет, так называемых диргемов. О меновых сношениях с Византией говорят знаменитые, уцелевшие до нашего времени, в Начальной летописи договоры Олега и Игоря с греками, прямые летописные известия и, наконец, замечательный рассказ византийского императора Константина Багрянородного в его сочинении „Об управлении империей“. Этот последний источник, рисуя живую картину торговых сношений Руси с Византией, имеет для нас особенную ценность, так как предостерегает от преувеличенных представлений о значении внешней торговли в экономической жизни киевской Руси. С наступлением зимы, рассказывает Константин Багрянородный, русский князь и его дружина отправляются из Киева по под-

властным князю славянским племенам за сбором дани, редко состоявшей из денежных платежей, а слагавшейся почти исключительно из натуральных продуктов, какими изобиловала страна: мехов, меду и воску. Вся зима проходила в этом трудном, подчас и опасном, объезде, так называемом „полюдь“. Весной князь с дружиной возвращались в Киев с собранною данью. К этому времени приготавливались лодки, которые оснащивались, нагружались всем тем, что было собрано в виде дани, и спускались под охраной вооруженных купцов Днепром и Черным морем в Византию. Этот превосходный рассказ, составленный со слов очевидцев и современников, местных киевских жителей, как нельзя лучше свидетельствует, что внешняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имеющими первостепенную важность чертами: во-первых, торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов,—князя, дружины и более или менее состоятельных горожан,—масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, в виде дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторых, внешняя торговля в действительности не затрагивала и настоятельных, насущных, необходимо требовавших удовлетворения потребностей даже этих руководящих ею высших классов населения! все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши: шелковые ткани, вина, дорогое оружие. В сущности мы наблюдаем здесь не торгово-промышленный круговорот, а отчуждение продуктов, доставшихся даром, без затраты капитала, без предпринимательских забот и без торговой эксплуатации производителей хозяйственных благ. Следовательно, глубины народного хозяйства остались нетронутыми внешней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральным*, т.-е. таким, при котором почти каждый работает только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описанным соотношением разных отраслей народного производства определялась прежде всего система хозяйства. Она

отличалась первобытным, хищническим, или как обыкновенно говорят, экстенсивным характером. Охота сводилась к беспощадному, нерассчетливому истреблению зверей, водившихся в таком изобилии в обширных лесах, что не было нужды в каких-либо правилах или ограничениях для охоты, да и некому было их устанавливать и следить за их исполнением. Зверолов не ограничивал своей истребительной деятельности каким-либо небольшим районом, а охотился на обширных пространствах, постоянно переходил с одного места на другое. Технические приемы другой основной отрасли народного производства в киевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнейшее пчеловодство носит характерное название бортничества во всех грамотах киевского периода, между прочим и в „Русской Правде“. Бортничеством называется такое пчеловодство, при котором совершенно не заводится искусственных приспособлений для пчел, ульев и псек, а пчеловоды пользуются медом и воском, складываемыми дикими пчелами в дуплах лесных деревьев, называемых бортными или бортами. Для занятия таким пчеловодством не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортном дереве „знамя“, т.-е. знак собственности, и своевременно вынуть накопившийся воск и мед. Далее: при обилии лесов и болот и при крайней редкости населения в земледелии возможна была только одна подсечная, огневая или лядинная система, состоящая в том, что вырубался и выжигался лес, и на образовавшемся таким образом „пале“, „огнище“ или „лядах“, высушенном и покрытом пеплом пространстве, сеялся год или два хлеб, потом повторялась та же операция с другим участком, через такой же срок переходили к третьему и т. д. Следовательно, хищнический и кочевой характер составлял такой же отличительный признак земледелия, как и добывающей промышленности. Наконец, приведенный уже выше рассказ Константина Багрянородного о внешней торговле как нельзя лучше показывает, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организа-

цией: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственных благ и внешним рынком.

Преобладанием добывающей промышленности и господством экстенсивной системы хозяйства определились, далее, и основные, типические для изучаемого времени *формы землевладения*. Кочевать, переходить с места на место—вот основная хозяйственная потребность первобытного производителя, потребность, подсказываемая господством добывающей промышленности и скотоводства, при которых надо гнаться за зверем, отыскивать диких пчел, занимать все новые пастбища для скота. Возможна ли при таких условиях прочная и постоянная собственность на землю, полная оседлость? Очевидно, нет. Но какие же порядки пользования землей существовали в таком случае в киевской Руси? Наши древнейшие источники дают нам вместо определенного ответа на этот вопрос одни только намеки, достаточно ясные, однако, при свете исторических аналогий. Дело в том, что во всех странах, в которых мы наблюдаем хозяйственные условия, соответствующие экономическим особенностям киевской Руси до конца XII века, существовало так называемое *вольное или захватное землевладение*, сводящееся к тому, что известный округ или волость занимал известную, довольно обширную территорию, а отдельные двory или семьи на время, обыкновенно на год, опахивали, окашивали или „зачерчивали“ себе, посредством зарубок на деревьях, определенные участки для распашки, не подлежавшие во время разработки заимке со стороны других семей. Лесом, пастбищем и другими угодьями пользовались все жители волости сообща, в меру потребностей. Такие порядки наблюдаются, напр., у древних германцев около Рождества Христова, наблюдались недавно и у нас в Сибири, в местностях с редким населением и господством добывающей промышленности. То же, по всем признакам, было и в киевской Руси. Что вервь или волость имела тогда определенную обширную территорию,—это видно из „Русской Правды“, рассматрива-